

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ И АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-90-102

В. В. Чекушин¹

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

«ДЛЯ ОДНИХ ГРАФ, ДЛЯ ДРУГИХ ГРАЖДАНИН: СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ А.Н. ТОЛСТОГО В ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1923)»

Статья посвящена анализу амбивалентной стратегии самопрезентации А. Н. Толстого в пореволюционные годы, которая заключалась в балансировании между идентичностями «графа» и «гражданина». В этот период он не мог определиться с идеологической позицией, поэтому ориентировался на рецепцию своей риторики и демократической, и консервативной частями общества. Потенциал игры идентичностями был заложен уже в сокращении «гр.». Только после отъезда из России писатель ненадолго остановился на однозначной стратегии самопрезентации, поэтому воспринимался эмиграцией как наследник «дворянской» линии литературы. Стратегия Толстого снова стала многозначной после его прихода в лояльную большевикам газету «Nakanune».

Ключевые слова: А. Н. Толстой, революция, самопрезентация, граф, гражданин

V. V. Chekushin

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

«FOR SOME A COUNT, FOR OTHERS A CITIZEN»: A.N. TOLSTOY SELF-PRESENTATION STRATEGY IN THE REVOLUTIONARY PERIOD (1917–1923)»

The article analyzes the ambivalent strategy of A.N.Tolstoy's self-presentation in the revolutionary years, which consisted in balancing the identities of a «count» (graf) and a «citizen» (grazhdanin). During this period, he could not decide on an ideological position, thus focusing on the reception of his rhetoric by both the democratic and conservative parts of society. The potential for playing with identities was already laid down in the abbreviation «gr.» (for "grazhdanin"). Only after leaving Russia did the writer briefly decided in favor of an unambiguous strategy of self-presentation, so he was perceived by emigration as the heir to the «noble» line of literature. Tolstoy's strategy became ambiguous again after he joined the Bolshevik-loyal newspaper «Nakanune».

Keywords: A. N. Tolstoy, revolution, self-presentation, count, citizen

¹ Викентий Владимирович Чекушин, аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

А. Н. Толстой на сегодняшний день считается писателем «современного прагматичного склада», обдуманно строившим литературную карьеру. По словам Е. Д. Толстой, важной чертой ее знаменитого деда «оказывается двойственность, иногда многозначность <...> стратегии выживания. Гр. Толстой расшифровывается для одних как граф, для других – как гражданин. Татарин оборачивается римским патрицием, ленивый барин – энергичным мешочником, “дворянство” – бутафорией и стилизацией» [Толстая, 2006, с. 12].

Действительно, в разной социокультурной обстановке Толстой часто прибегал к осознанному и манипулятивному конструированию собственной писательской мифологии, позволявшему успешно действовать в поле литературы в самых разных и подчас крайне неблагоприятных условиях. Пик таких практик пришелся на пореволюционный период, возможно, потому, что ситуация революции, по мнению Ш. Фицпатрик, сопровождается процессом «срывания масок» и сменой стратегий самопрезентации индивидов. Иными словами, революции «лишают силы все негласные соглашения о самопрезентации и социальном взаимодействии, которые были достигнуты в дореволюционном обществе <...>. В такие переломные моменты отдельному человеку приходится “пересотворять” себя и создавать в самом себе личность, подходящую для нового послереволюционного общества. Процесс пересотворения является одновременно процессом реконфигурации (новой организации себя) и открытия (новой интерпретации их значения). Она всегда включает стратегические решения (как мне представлять себя в этом мире?)» [Фицпатрик, 2011, с. 11]. Толстой, судя по всему, почувствовал потенциал для автомифотворчества, заложенный уже в самой ситуации революционного времени. Неслучайно он иронично описал процесс смешения статусов и «инфляцию» символического статуса аристократа почти сразу после возвращения в СССР – в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924).

Главный герой произведения, «средний» петербургский чиновник Невзоров, слабость которого «читать в газетах про аристократов». После революции мечта Невзорова о «красивой жизни» сбывается – он грабит антиквара и получает крупную сумму денег. Тогда же у него рождается идея получить графский титул. Он «заказал <...> себе визитные карточки, небольшого размера, под мрамор: “Симеон Иоаннович граф Невзоров”». В скоропечатне приняли заказ, даже не удивились. Когда он пришел за ними дня через три, и приказчик сказал: “Ваши карточки готовы, граф”, когда он прочел напечатанное, – охватила дикая радость» [Толстой, 1958, с. 415]. После этого герой пошел в богемное кафе «Бом», где, наконец, осмелился познакомиться со светской дамой Аллой Григорьевной. Вскоре разгоряченный кокаином Невзоров произносит перед новой подругой монолог в духе Хлестакова, уже сочиняя себе «аристократическую биографию»: «[М]ы, графы Невзоровы, видите ли, в близком родстве с царствующей династией. Мы всегда держались в тени. Но теперь в моем лице намерены претендовать на престол» [там же, с. 418]. Затем персонаж, находясь в эмиграции, легко отказывается от графского титула и делает паспорт на имя грека Семиларида Навзараки.

Автор повести в эти же годы использовал более сложную стратегию самопрезентации. При ее анализе мы сконцентрируемся преимущественно на исследовании его публицистики и поведенческих жестов. Под жестом мы вслед за Ю. М. Лотманом будем понимать «действие или поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесенность к некоторому значению» [Лотман, 1994, с. 337]. По своей направленности жест всегда является «действием, которое воспринимается адресатом и/или наблюдателем как знаковое, то есть несущее определенный смысл» [Крейдлин, 2002, с. 59].

Необходимость запуска процессов «открытия» и «реконфигурации» Толстой, возможно, осознал после поступления на государственную службу. Устроившись в Комиссариат по делам печати, 29 марта 1917 г. он получил удостоверение, подписанное комиссаром по Москве Н. Кошкиным. В нем «гражданин граф А. Н. Толстой» уведомлялся о назначении комиссаром по регистрации печати. Интересно, что характеристики «граф» и «гражданин», судя по всему, тогда не рассматривались властями как антонимичные друг другу, то есть в сознании чиновников не было оппозиции между «демократическим» гражданином и «элитарным» графом. Сам Толстой, похоже, сначала тоже не видел противоречий в таком соположении идентичностей. Затем, как будет показано ниже, в сознании Толстого указанные дефиниции станут взаимоисключающими.

Писатель не скрывал, что специально выбрал неоднозначную стратегию самопрезентации, и признавался в этом И. Г. Эренбургу. Последний привел слова Толстого в своих воспоминаниях: «Как-то он показал мне медную дощечку на двери – “Гр. А. Н. Толстой” – и захохотал. “Для одних граф, а для других гражданин”, – смеялся он над собой» [Эренбург, 1996, с. 476]. В этой цитате, в первую очередь, обращает на себя внимание прагматизм Толстого – во времена перемен в обществе он не может определиться с социальной принадлежностью и «курсирует» между привычным для него статусом графа и появившимся после революции статусом гражданина². Последнее обращение после революции должно было «подчеркнуть общественное равноправие всех жителей в новой (сначала буржуазно-демократической, а затем социалистической) стране, освободившейся от монархии» [Зеленин, 2003, с. 98].

В то же время говорить только о прагматической цели толстовской игры масками нельзя. На выбор подобной неоднозначной позиции влияла его личная идеологическая неопределенность и непонимание происходящего в стране: «В 1917–1918 годы он был растерян, огорчен, иногда подавлен: не мог понять что происходит;

² Интересно, что в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» рассказывается о том, как в 1930-е годы некий писатель граф Шереметев спасся от серьезных репрессий, благодаря ошибке паспортистки, поставившей в его документе мягкий знак. В советские годы он зарабатывал в основном переводами, подписывая их «гр. Шереметьев». В тексте иронически описывается манера героя представляться с намеком на свою классовую принадлежность: «Когда Шереметьев представлялся, перед фамилией он делал паузу и издавал некоторое небольшое как бы мычанье, будто пропуская какое-то слово. Многие догадывались и, как в “Подростке”, спрашивали: “Граф?” – на что граф снова неопределенно мычал» [Чудаков, 2012, с. 315]. Подробнее о «толстовском слое» в романе Чудакова см.: [Горбенко, Чекушин, 2019].

сидел в писательском кафе “Бом”; ходил на дежурства домового комитета; всех ругал и всех жалел, а главное – недоумевал» [Эренбург, 1976, с. 475]. Судя по письмам того периода, Толстой на определенном этапе был полон исторического оптимизма и желал России именно демократического пути развития. «Россия найдет свой какой-то в высшей степени оригинальный политический и общественный строй, очевидно демократический. Вообще я очень радостно и светло смотрю на наше будущее» [Толстой, 1989, т. 1, с. 270], – писал он в сентябре 1917 г. своему отчиму А. Бострому.

Однако сразу после Октября настроения Толстого резко меняются. Судя по дневниковым записям, растерянный писатель видит в революции отзвуки мировой войны, а происходящие события сравнивает с всеобъемлющим хаосом. Сам автор «Детства Никиты» 31 октября писал о своих ощущениях так: «Борьба происходит между Комитетом общественного спасения и Революционным комитетом. Борьба кровопролитна, и невозможно ее прекратить, пока одна сторона не истребит другую. Все это каким-то образом напоминает в миниатюре мировую войну: та же неуловимость цели, неопределенность вины за начало войны, упорство и невозможность договориться и закончить. Таинственный, космический дух мировой войны перекинулся в Москву» [Толстой, 1985, с. 353].

Спустя три дня он высказался о происходящем еще определеннее: «[Ч]увство тоски смертельной, гибели России, в развалинах Москвы, сдавлено горло, ломит виски» [там же, с. 354]. Толстой описывал события октября–ноября 1917 г. в метафизическом ракурсе: большевистский переворот рассматривался им как катастрофа всемирного масштаба, вызывающая в человеке экзистенциальный ужас. Как видно, за революционный год взгляды Толстого почти кардинально переменялись. Мартовское воодушевление сменилось страхом и пессимизмом.

Выбранная тактика самопрезентации оказалась эффективной: Е. Толстая в своей книге приводит статью одесского литератора В. Королевича, датированную июлем 1918 г. Ранее он посетил Толстого в столице и, по всей вероятности, видел табличку, описанную в мемуарах Эренбурга: «У дверей остановились на мгновение, прочитав на карточке: “Граф Алексей Николаевич Толстой”. Он нас не заставил ждать и вышел сам, с салфеткой у шеи. Я смотрел на <...>, хозяина – уютно одетого барина, с белыми, пухлыми руками, с боковым пробором, разделяющим длинные волосы, с кусочком сметаны, оставшимся у мягких губ <...>. Из солнечного окна глядела на меня особняками Малой Молчановки – старая Москва, и она же была в барских глазах» (цит. по: [Толстая, 2006, с. 108]). Молодой поэт расшифровывает игру по-своему: Толстой воспринимался им как «оплот московского барства <...> стилизатор, верный “дворянской” теме» [там же, с. 115]. Королевич, в отличие от некоторых друзей Толстого по Москве, не прочитывал сокращение в ином контексте.

Второй смысл «игры», судя по всему, смог расшифровать А. Соболев. Об этом свидетельствует письмо с объяснениями Толстого, отправленное тому из Одессы осенью 1918 г. В конце рассказа о делах и общих знакомых автор «Петра» ставит подпись: «Твой Алексей Толстой (граф!!)» [Толстой, 1989, т. 1, с. 276]. Видимо, уехавший на «белый» юг писатель на время определился со своей идеологической позицией и намеренно

эксплицитно выразил ее в письме к знакомому, оставшемуся в контролируемой большевиками части России³. Толстой здесь презентовал себя в привычной манере – как представителя «старой» России, именно поэтому подчеркнул свою принадлежность к аристократии, поставив два восклицательных знака. Особое выделение своего титула несет еще несколько идеологических коннотаций. Так, эмиграция часто использовала обращение «гражданин» как своеобразное «заимствование» из советского языка, выступая в качестве характерного и показательного элемента новой социально-политической действительности» [Зеленин, 2003, с. 100]. Кроме того, Толстой отмежевывался от партийно-группового советского обозначения «товарищ», которое активно использовалось теми же большевиками.

Как видно, Толстой для закрепления собственного статуса в новой для себя социокультурной обстановке использовал тему собственного происхождения. С этого момента определения «гражданин/граф» становятся в оппозицию друг к другу, поскольку такое соположение идентичностей могло вызвать критику эмигрантских кругов. За рубежом Толстой позиционирует себя (и воспринимается эмиграцией) как один из мэтров, наследник классической русской литературы, представитель старой дворянской России и автор романа «Сестры», охарактеризованного одним из мемуаристов, как «первое значительное литературное произведение, созданное за рубежом», которое в кругах диаспоры «без малого было принято с восторгом и разбирали роман “по косточкам” даже люди обычно от литературы далекие» [Бахрах, 1980, с. 110].

Стратегия самопрезентации Толстого снова начала двигаться в сторону многозначности после его прихода в 1922 г. на должность редактора литературного приложения лояльной большевикам берлинской газеты «Накануне». В «шапке» номеров вплоть до окончания работы в газете (середина 1923 г.) рядом с именем редактора Алексея Толстого снова стояла двусмысленная подпись «гр.» (реципиентами в эмиграции она могла прочитываться; как «граф», а читателями Советской России, где газета тоже распространялась, как более понятный им «гражданин»). Под публикуемыми в издании толстовскими произведениями содержалось как сокращенное «гр.», так и полное обозначение титула. Например, в «Накануне» от 26 марта 1922 г. под отрывком из будущей повести «Детство Никиты» стоит подпись «Гр. Алексей Н. Толстой». В том же номере в рецензии на пьесу «Любовь – книга золотая» критик называл Толстого «Граф Алексей Н. Толстой». В оглавлении номера от 21 мая напротив названия рассказа «Краткое жизнеописание блаженного Нифонта» (другое название – «Повесть Смутного времени»), стояла подпись «граф Ал. Толстой». Возможно, периодическое упоминание титула редактора литературного приложения усиливало идеологический и политический вес газеты, поскольку большевикам начали сочувствовать даже представители старой русской аристократии.

³ Косвенно о перемене взглядов может свидетельствовать переписка писателя марта 1917 г. Так, в письме, адресованном своему начальнику в Комиссариате печати В. Я Брюсову, стоит подпись «Гр. А. Толстой». В письме от 1 октября того же года Толстой просит дать ему отпуск на два месяца и подписывается уже без сокращений: «Граф Алексей Н. Толстой». По этим косвенным признакам хорошо видна эволюция взглядов Толстого, которую мы прослеживали выше.

Само «Жизнеописание...» описывает период Смуты (автор сближает этот исторический период с пореволюционным временем), а нарратором в произведении выступает князь Туренев, отец которого Леонтий «при царе Федоре» сидел всего лишь «на три места ниже» князя Шуйского. Последний так описывает иерархию: «[Я], да князь Мстиславский, да князь Голицын, да Тверской князь, Патрикеева рода, а после него – место Туреневу» [Толстой, 1922а, с. 2]. Как представляется, читателей-эмигрантов имя повествователя отсылало к дореволюционному периоду творчества, когда Толстой конструировал персональный миф о себе как о «наследнике Тургенева», пользуясь тем, что его мать до замужества была однофамилицей автора «Отцов и детей»⁴.

Симптоматично, однако, что какое-либо определение социального статуса снимается в программных письмах Толстого 1922 г., опубликованных в «Накануне». Новость о начале сотрудничества Толстого с газетой вызвала резкую реакцию эмигрантов. Так, один из самых авторитетных деятелей русского зарубежья Н. В. Чайковский написал Толстому письмо с требованием объяснить по поводу сотрудничества с газетой: «Настоящим прошу вас <...> объяснить нам, как понимать Ваше сотрудничество в органе “Накануне”, заведомо издающемся на большевистские деньги и открыто ставящем себе задачу бороться с русской эмиграцией» [Толстой, 1922b, с. 2]. После чего 14 апреля 1922 г. Толстой опубликовал знаменитое открытое письмо – ответ, в котором сообщал о своем разрыве с эмиграцией.

Он требовал «признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России – нет. Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности»⁵ [там же, с. 2]. После этого он заявлял о своем желании ехать в Россию.

⁴ Наиболее полно ориентация на фигуру и творчество Тургенева была заметна в цикле «Заволжье» (1908–1909). В ключевых произведениях цикла («Неделя в Туренево» и «Заволжье») писатель использовал жанр усадебной повести, канон которой во многом сформировал именно Тургенев. Тургеневский мир представлен в цикле традиционными образами и мотивами, связанными с творчеством классика: это «крушение идеалов», «лишний человек», «рефлексия», «заглохший сад», «пруд», «портреты предков на стенах» [Пильд, 1999]. Также при описании основных персонажей Толстой, с одной стороны, опирался на свою семейную хронику, а с другой – на героев своего знаменитого предшественника. При этом часто такие аллюзии имели пародийный характер. К концу 1900-х гг. Толстой «спроецировал» тургеневские тексты и на свой публичный образ: «Он сильно изменил свою внешность. Длинные волосы на косой пробор, цилиндр, шинель – все было стилизовано под 40-е годы [XIX в. – В. Ч.] и, правда, в барственной осанке его было что-то несовременное, дагерротипное» [Крандиевская, 1977, с. 72].

⁵ Как показал И. Н. Толстой, идеологически это письмо было не вполне самостоятельным. За месяц до этого один из сподвижников Колчака, В. Игнатьев, находившийся на тот момент в тюрьме, опубликовал свой ответ Чайковскому, где аргументы в пользу большевистской власти были схожими. Исходя из этого и ряда других сходных примеров, внук заключает: «Таким образом, несомненно, что открытое письмо А. Толстого лишь по форме своей было индивидуальным. На самом же деле самостоятельность его мнимая, оно явно в своих несущих конструкциях согласовано “с кем надо”, но для придания достоверности написано с теми стилистическими особенностями, которые заглушивают его матричность» [Толстой, 2017, с. 96].

В газетной версии письма наглядно показана идеологическая игра социальными статусами. Требующий ответа Чайковский обращается к Толстому, апеллируя к его титулу: «Милостивый Государь граф Алексей Николаевич». В заголовке редакторы газеты (возможно, понимая настроения Толстого) давали возможность двойной трактовки и аттестовали автора так: «Открытое письмо гр. А. Толстого». При этом остается неясным, выступает ли автор как патриот и в широком смысле гражданин, ответственный за Отечество, или же это просто сокращенная классовая инвектива. Сам же писатель в конце письма оставил подпись «Алексей Толстой» без каких-либо дополнительных атрибуций.

Таким образом, писателю, фактически признавшему советскую власть и выражающему намерения вернуться в «государство товарищей», едва ли целесообразно было использовать для идеологической борьбы свой аристократический титул. В конечном итоге определения «гражданин» и «граф» снова теряли актуальность для Толстого, очевидно, теперь решившего пойти по пути «смены вех». В новом статусе он снова начал процесс реконфигурации, «пересотворяя» свою биографию как бы «с чистого листа». Для этого ему нужно было не только отделить себя от антисоветски настроенной эмигрантской элиты, но и занять равноудаленную позицию от каких бы то ни было социальных сил.

Для этого писатель пытается сформировать новый персональный миф, закономерно для такого процесса «ретушируя» факты своей биографии, поскольку при выстраивании мифа на реальном материале требуется существенная деформация данных о реальном положении дел. Иными словами, его создателю нужно «забыть» одни факты и существенно трансформировать сведения о других (см.: [Рейтблат 2014: 324]). В данном случае для убедительности и искренности перемены своей позиции Толстой рассказывал о страшной смерти своих братьев: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, – один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть» [Толстой, 1922b, с. 2]⁶.

Как отмечает А. Н. Варламов, эти факты не подтверждаются: один из них дожил в эмиграции до середины 1950-х гг., другой погиб от тифа [Варламов, 2009, с. 246].

Затем Толстой объяснял перемену своей позиции по отношению к советской власти. Она была связана, прежде всего, с тем, что большевики смогли сохранить государственность России. При этом Толстой не становился на сторону большевиков окончательно – он признавал их жестокости в прошлом и не старался их оправдывать. В то же время он отказывался возложить вину за происходящее только на нынешнее

⁶ Ср. с письмом Игнатъева: «Я до конца прошел все пути борьбы с Советской властью, до тех пор пока считал путь борьбы правильным. И поэтому, на основании опыта в этой борьбе, на основании тягот, которые мне пришлось перенести, я имею право писать вам то, что пишу в этом письме» [Игнатъев, 1922, с. 2].

руководство страны, поэтому использовал христианскую категорию соборности: «Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра» [Толстой, 1922b, с. 2]⁷. Важно подчеркнуть, что это религиозное понятие повторяется в документе два раза.

Эксплуатация христианской образности в письме, опубликованном в апреле, не случайна – это позволяло задействовать символику Пасхи [Толстая, 2013, с. 321]. Подчеркивало религиозный подтекст письма и упоминание «хождений по мукам», где была задействована любимая Толстым двойная кодировка: оборот одновременно отсылал к апокрифу «Хождение Богородицы по мукам» и его собственному роману.

Как видно, Толстой использовал амбивалентную риторическую стратегию: за потоком оправданий, ориентированных на сочувственное прочтение советской аудитории, была скрыта религиозная символика. Это позволило Толстому придать своему «отступничеству» черты религиозного мученичества в глазах эмиграции.

Перемена идеологической позиции трактовалась Толстым с помощью символики смерти и воскрешения. Похожие мотивы в контексте отрыва от русской эмиграции появлялись и в более ранних частных письмах писателя. В 1920 г. он писал своей жене Н. Крандиевской-Толстой: «Жизнь сдвинулась с мертвой точки. В знакомых салонах по этому поводу переполох. Это весело. Я сжигаю все позади себя, – надо родиться снова. Моя работа требует немедленных решений. Ты понимаешь категорический смысл этих слов? Возвращайся. Ликвидируй квартиру. Едем в Берлин, а если хочешь, то и дальше» [Крандиевская-Толстая, 1977, с. 193].

Ключевой темой здесь, как в цитированном выше письме, снова является тема воскресения. Более того, любопытную реплику уже самой Крандиевской зафиксировал Дон-Аминадо. В разговоре с ним она выразилась о возвращении в СССР так: «Еду сораспираться с Россией» [Дон-Аминадо, 1991, с. 242].

Таким образом, Толстой объяснял эмиграции свой поступок через символику мученичества, имплицитно рифмующегося со страстями Христовыми, которые должны закончиться смертью и последующим за ней воскрешением уже в новом качестве.

Одновременно с этим, как отмечает А. Н. Варламов, Толстой старался подготовить общественное мнение на родине, «где его письмо тоже могло быть воспринято неоднозначно по самым разным причинам, например, по такой: хорошо пережить лихолетье в Европе. Отсидеться в Париже и Берлине» [Варламов,

⁷ Мысли о необходимости строительства мощного государства регулярно появлялись в толстовских художественных произведениях и публицистике. Достаточно привести известный монолог Телегина из романа «Сестры»: «Ты видишь... И теперь не пропадем... Великая Россия пропала! А вот внуки этих самых драных мужиков, которые с кольями ходили выручать Москву, – разбили Карла Двенадцатого, загнали татар за Перекоп, Литву прибрали к рукам и похаживали в лапотках уже по берегу Тихого океана... А внук этого мальчишка, которого силой в Москву на санях притащили, Петербург построил... <...> пропала!.. Уезд от нас останется, – и оттуда пойдет русская земля...» [Толстой, 2012, с. 252]. Интересно, что и здесь в контексте государственного строительства упоминается фигура Петра, важнейшего персонажа толстовского творчества 1930-х гг.

2009, с. 316]. Действительно, вскоре последовало письмо к К. И. Чуковскому, ориентированное в большей степени на рецепцию советским читателем. По поводу этой переписки Л. Д. Троицкий иронично замечал: «Не так давно Чуковский поощрял Алексея Толстого к примирению – не то с революционной Россией, не то с Россией, несмотря на революцию» [Троицкий, 1991, с. 80], так что опасения Толстого по поводу реакции на возвращение были обоснованными.

Само письмо содержит более эксплицитное выражение мыслей Толстого: «Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей» [Толстой, 1989, т. 1, с. 313]. Далее Толстой снова затрагивал тему мучений: «Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы <...>. [Н]а чужбине мы ели горький хлеб» [там же].

Затем в письме дается описание жизни на Западе в духе «Заката Европы» О. Шпенглера – смерть романской цивилизации изображается Толстым с помощью максимально прямолинейных образов: «Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, – неистовая сволочь, паразиты. Лишь в Германии можно поучиться труду и мужеству. А на запад от Рейна, пожалуй, что и этого нет, – то есть мужества и труда. Деревня пустеет, работать не желают. Города переполнены. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство» [там же, с. 315].

Такие толстовские описания предвосхитили жанр путевого очерка соцреализма, где происходила «[з]амена географического пространства идеологическим» [Балина, 2000, с. 898]. В этих травелогах «[в]место предложения понаблюдать и удивиться “чужому”, писатель-путешественник стремится создать абсолютно чуждое читателю пространство. Историко-географическое пространство очерка воспринимается как негативное, его просто не существует, оно уничтожает самое себя» [там же].

Для придания убедительности изложенным в письме тезисам Толстой использовал образ искусства-мавзолея: «Искусство романское на закате. На закате и рационально-правовая мораль, и римское понимание государственности: людям в ней тесно. Жизнь стала глубже и обширней романского сознания» [Толстой, 1989, т. 1, с. 315]. На контрасте давалось описание России, которая «уже преодолела смерть. Действительно – смертию смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти» [там же]. Здесь снова задействована тема смерти и воскрешения России: Толстой даже приводит прямую цитату из тропаря Пасхи. При этом интересно, что происходящее в атеистическом СССР писатель изображает, снова активно эксплуатируя религиозную терминологию. Возможно, такой модус был необходим ему для того, чтобы придать в глазах эмиграции своему неоднозначному поступку мессианский оттенок.

Таким образом, Толстой снова использовал риторику, ориентированную одновременно на разную аудиторию: с одной стороны, он использовал предельно тенденциозную метафорику «смерти Европы» для советской аудитории, с другой же – задействовал религиозную символику для кругов эмиграции. Это позволяло литератору выстроить следующий идеологический конструкт: «воскресший» и «прозревший» Толстой приезжает в Россию, которая также «оживает» после «смерти» (революционные годы). Идеологическое оправдание строится на «рифме» состояний автора и новой советской страны.

Итак, стратегия самопрезентации Толстого в пореволюционные годы отличалась амбивалентностью: в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями он балансировал между позициями «демократического» гражданина и «аристократического» графа. Вскоре, с момента отъезда на «белый» Юг в 1918 г. и вплоть до начала сотрудничества с газетой «Накануне» Толстой однозначно презентовал себя как аристократа и одного из последних авторов «уходящей» дворянской России. Перед отъездом в Советскую Россию его стратегия снова стала амбивалентной, так как Толстому нужно было конструировать новый персональный миф, который позволил бы ему минимизировать репутационные потери при переезде. Для этого в открытых письмах берлинского периода Толстой снова использовал «двойную кодировку». С одной стороны, для представителей эмиграции начало сотрудничества с просоветскими силами было описано с использованием библейской тематики смерти и воскрешения. С другой стороны, он описывал свои мучения вне родины предельно эксплицитно – с тем, чтобы заранее обеспечить оправдание собственного возвращения в глазах советской аудитории. Сомнительно, что такая стратегия могла принести быстрый успех: после возвращения из эмиграции в 1923 г. критика регулярно напоминала Толстому о его аристократическом происхождении. Впоследствии оппозиция «гражданин/граф» сменилась другой: писателя (как считается, с подачи Горького) стали именовать «рабоче-крестьянским графом», намеренно сталкивая между собой антонимичные понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балина, М. Р. Литература путешествий / М. Р. Балина // Соцреалистический канон: сборник статей / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. – С. 896–909.

Бахрах, А. В. По памяти, по записям (литературные портреты) / А. В. Бахрах. – Париж: La Presse Libre, 1980. – 206 с.

Варламов, А. Н. Алексей Толстой. Биография / А. Н. Варламов. – Москва: Эксмо, 2009. – 736 с.

Горбенко, А. Ю. Гражданин, граф, Григорий: А. Н. Толстой в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» / А. Ю. Горбенко, В. В. Чекушин // Вестник ТГУ. – 2019. – № 443. – С. 5–11.

Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / Дон-Аминадо. – Москва: Книга, 1991. – 336 с.

Зеленин, А. В. Господа, граждане и товарищи в эмигрантской публицистике / А. В. Зеленин // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 95–102.

Игнатъев, В. Открытое письмо Николаю Васильевичу Чайковскому / В. Игнатъев // Известия. – 1922. – № 56. – С. 2.

Крандиевская-Толстая, Н. В. Воспоминания / Н. В. Крандиевская-Толстая. – Ленинград: Лениздат, 1977. – 224 с.

Крейдли, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 591 с.

Лотман, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 1994. – С. 331–384.

Пильд, Л. Л. Тургенев в художественной прозе «Аполлона» [Электронный ресурс] / Л. Л. Пильд // Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). – Тарту, 1999. – URL: www.ruthenia.ru/document/533837.html (18.07.2020).

Рейтблат, А. И. Буренин и Надсон: как конструируется миф / А. И. Рейтблат // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 323–338.

Толстая, Е. Д. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1922). – Москва: РГГУ, 2005. – 715 с.

Толстая, Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург / Е. Д. Толстая. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 535 с.

Толстой, А. Н. Дневник 1917–1936 гг. / вступ. статья и публ. А. М. Крюковой // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. – Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького, 1985. – С. 345–394.

Толстой, А. Н. Жизнеописание блаженного Нифонта / А. Н. Толстой // Накануне. – 1922. – № 5. – С. 2.

Толстой, А. Н. Открытое письмо гр. А. Толстого Н. В. Чайковскому / А. Н. Толстой // Накануне. – 1922. – № 17. – С. 2.

Толстой, А. Н. Переписка: в 2 т. Т. 1 / А. Н. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1989. – Т. 1. – 430 с.

Толстой, А. Н. Похождения Невзорова, или Ибикус / А. Н. Толстой // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. – Москва: ГИХЛ, 1958. – С. 402–532.

Толстой, А. Н. Хожение по мукам / А. Н. Толстой. – Москва: Наука, 2012. – С. 7–254.

Толстой, И. Н. Третий Толстой и второй Чайковский: к истории «литературной слащавщины» // Алексей Толстой: диалоги со временем. – Москва: Литературный музей, 2017. – С. 89–97.

Троцкий, Л. Д. Литература и революция. / Л. Д. Троцкий. – Москва: Политиздат, 1991. – 400 с.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 336 с.

Чудаков, А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. / А. П. Чудаков. – Москва: Время, 2012. – 640 с.

Эренбург, И. Г. Люди, годы, жизнь. Книга первая // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 8 т. – Москва: Художественная литература, 1996. Т. 6. – С. 343–565.

REFERENCES:

Balina, M. R. Literatura puteshestviy / M. R. Balina // Sotsrealisticheskiy kanon: sbornik statey / pod red. X. Gyuntera i E. Dobrenko. – Sankt-Peterburg: Akademicheskii projekt, 2000. – S. 896–909.

Bakhrakh, A. V. Po pamyati, po zapisyam (literaturnye portrety) / A. V. Bakhrakh. – Parizh: La Presse Libre, 1980. – 206 s.

Chudakov, A. P. Lozhitsya mгла na starye stupeni: roman-idilliya. / A. P. Chudakov. – Moskva: Vremya, 2012. – 640 s.

Don-Aminado. Poezd na tret'em puti / Don-Aminado. – Moskva: Kniga, 1991. – 336 s.

Erenburg, I. G. Lyudi, gody, zhizn'. Kniga pervaya / I. G. Erenburg // Erenburg I. G. Sbranie sochineniy: v 8 t. T. 6. – Moskva: Khudozhestvennaya Literatura, 1996. – S. 343–565.

Fitspatrik, Sh. Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod. – Moskva: ROSSPEN, 2008. – 336 s.

Gorbenko, A. Yu. Grazhdanin, graf, Grigoriy: A. N. Tolstoy v romane A. P. Chudakova «Lozhitsya mгла na starye stupeni» / A. Yu. Gorbenko, V. V. Chekushin // Vestnik TGU. – 2019. – № 443. – S. 5–11.

Ignat'ev, V. Otkrytoe pis'mo Nikolayu Vasil'evichu Chaykovskomu / V. Ignat'ev // Izvestiya. – 1922. – № 56. – S. 2.

Krandievskaya-Tolstaya, N. V. Vospominaniya / N. V. Krandievskaya-Tolstaya. – Leningrad: Lenizdat, 1977. – 224 s.

Kreydlin, G. E. Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk. / G. E. Kreydlin. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 591 s.

Lotman, YU. M. Dekabrist v povsednevnoy zhizni / Yu. M. Lotman // Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). – Sankt-Peterburg: Iskusstvo–SPb, 1994. – S. 331–384.

Pil'd, L. L. Turgenev v khudozhestvennoy proze «Apollona» [Elektronnyy resurs] / L. L. Pil'd // Turgenev v vospriyatii russkikh simvolistov (1890–1900-e gody). – Tartu, 1999. – URL: www.ruthenia.ru/document/533837.html (18.07.2020).

Reytblat, A. I. Burenin i Nadson: kak konstruiyuetsya mif / A. I. Reytblat // Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – S. 323–338.

Tolstaya, E. D. Degot' ili myod: Aleksey N. Tolstoy kak neizvestnyy pisatel' (1917–1922). – Moskva: RGGU, 2005. – 715 s.

Tolstaya, E. D. Klyuchi schast'ya: Aleksey Tolstoy i literaturnyy Peterburg / E. D. Tolstaya. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 535 s.

Tolstoy, A. N. Dnevnik 1917–1936 gg. / vstup. stat'ya i publ. A. M. Kryukovoy // A. N. Tolstoy. Materialy i issledovaniya. – Moskva: IMLI im. A. M. Gor'kogo, 1985. – S. 345–394.

Tolstoy, A. N. Zhizneopisanie blazhennogo Nifonta / A. N. Tolstoy // Nakanune. – 1922. – № 5. – S. 2.

Tolstoy, A. N. Otkrytoe pis'mo gr. A. Tolstogo N. V. Chaykovskomu / A. N. Tolstoy // Nakanune. – 1922. – № 17. – S. 2.

Tolstoy, A. N. Perepiska: v 2 t. T. 1 / A. N. Tolstoy. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1989. – 430 s.

Tolstoy, A. N. Pokhozheniya Nevzorova, ili Ibikus / A. N. Tolstoy // Tolstoy A. N. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 3. – Moskva: GIKhL, 1958. – S. 402–532.

Tolstoy, A. N. Khozhdenie po mukam / A. N. Tolstoy. – Moskva: Nauka, 2012. – S. 7–254.

Tolstoy, I. N. Tretiy Tolstoy i vtoroy Chaykovskiy: k istorii «literaturnoy slashchevshchiny» // Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem. – Moskva: Literaturnyy muzey, 2017. – S. 89–97.

Trotsky, L. D. Literatura i revolyutsiya / L. D. Trotskiy. – Moskva: Politizdat, 1991. – 400 s.

Varlamov, A. N. Aleksey Tolstoy. Biografiya / A. N. Varlamov. – Moskva: Eksmo, 2009. – 736 s.

Zelenin, A. V. Gosпода, grazhdane i tovarishchi v emigrantskoy publitsistike / A. V. Zelenin // Russkaya rech'. – 2003. – № 6. – S. 95–102.